

Litera

Правильная ссылка на статью:

Похаленков О.Е. — Сравнительный анализ образа «немца-нациста» в немецкой литературе о Второй мировой войне // Litera. — 2023. — № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.40130 EDN: TMENVW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40130

Сравнительный анализ образа «немца-нациста» в немецкой литературе о Второй мировой войне

Похаленков Олег Евгеньевич

доктор филологических наук

профессор, кафедра литературы, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

248002, Россия, Калужская область, г. Калуга, ул. Николо-Козинская, 56, кв. 8

✉ olegpokhalenkov@rambler.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.7.40130

EDN:

TMENVW

Дата направления статьи в редакцию:

04-04-2023

Аннотация: В представленной работе автор рассматривает немецкоязычную прозу о Второй мировой войне. Компаративистский анализ осуществляется на материале романа одного из самых знаменитых немецких прозаиков и писателей-антифашистов "Время жить и время умирать" Эриха Марии Ремарка и романе современного немецкого прозаика Уве Тимма "На примере брата". Объектом исследования выступает поэтика вышеназванных произведений в сравнительном аспекте. Предмет - реализация центрального образа произведения - образа "немца-нациста", который является участником Восточного похода. Автор подробно останавливается на реализации образа, включая в анализ образ художественного пространства произведений и мотивную систему. Основной вывод исследования основывается на различном подходе к интерпретации образа "немца-нациста" у Ремарка и Тимма. В своем романе Ремарк четко указывает на вину своих соотечественников в развязывании войны и массовых убийствах мирных жителей. Образ немца-нациста ассоциируется с образом идеологического врага. Современный немецкий автор придерживается другой точки зрения, которая, во многом, опирается на его личный опыт, тк герой романа - это брат писателя. Образ немца-нациста в его произведении коррелирует с образом заблудившегося немца, который поверил

патриотической риторики и выполнял приказ.

Ключевые слова:

Эрих Мария Ремарк, образ, Вторая мировая война, немецкая проза, мотив, Уве Тимм, повествователь, художественное пространство, сравнительный анализ, структурный анализ

В западном литературоведении закрепилось мнение, что Вторая мировая война не оставила такого значимого следа, как, например, Первая мировая, за которой на Западе закрепилось имя – Великая война. Например, в английской литературе Первая мировая война стала источником появления новой для этой литературы прозы и поэзии. Здесь уместно вспомнить «окопную» поэзию и З.Сассуна, Р. Грейвза, У. Оуэна и др.[см. подр.: 6;7;8] Или трилогию современной английской писательницы П. Баркер («Regeneration», 1991), в которой она вновь обращается к теме Великой войны, затрагивая самые злободневные темы для английского общества – социального неравенства, гомосексуализма, привилегированного частного образования и др, т.е. те темы, актуальность которых не ставится под сомнения в Англии. Литературная ситуация в немецкой литературе была совершенно другой. Сразу после поражения Германии в Первой мировой войне на литературную арену выступили талантливые молодые писатели, произведения которых, сейчас относятся к классике литературы «потерянного поколения» – Л. Ренн, Э.М. Ремарк и др. Но, если даже при разделении немецкого общества на тех, кто поддерживал мнение Ремарка о предательстве целого поколения, которое было послано погибать на передовую и тех, кто считал Ремарка предателем немецкого общества и солдатского братства, ситуация после Второй мировой войны в немецкой литературе отражала, во-многом, накал политических страстей, который существовал в самой Германии.

В течение долгого времени тема виновности / невиновности за фашистское наследие была преобладающей в послевоенной немецкой литературе. Такие авторы как В. Борхерт, Г. Бёлль, Э.М. Ремарк и др., сами испытавшие ужасы нацистского тоталитаризма, старались ниспровергнуть миф о «чистом Вермахте» и лишить возможности появления реванширских настроений среди неонацистов [см. подрб.: 2].

Проблема отношения к памяти о прошедшей войне и ответственности за многочисленные жертвы особенно остро стала ощущаться после утверждения общественного мнения о том, что не все, воевавшие на Восточном фронте виновны. Идея о том, что мужчины и женщины просто оказались жертвами пропаганды, казалась очень притягательной и стала поддерживаться среди широких слоев населения. В особенности эти настроения получили поддержку у наиболее радикально-настроенные писатели, например, Х.Г. Конзалик, даже развивали в своих произведениях мысль о «культурном» походе на Восток. Подобная пропаганда приносила свои плоды, так как в начале 1950-х годов многие западные немцы считали, что идея национал-социализма был не так уж плоха. Именно в этот период выходит в свет, анализируемый нами роман Э.М. Ремарка – «Время жить и время умирать» (1954) и спустя более полувека автобиографический роман одного из самых знаменитых современных немецкоязычных авторов Уве Тимма «На примере брата» (2003).

Сравнивая вышеназванные произведения о Второй мировой войне, стоит отметить, что «Время жить и время умирать» Ремарка – это художественный вымысел, в то время как

«На примере брата» – это реальная история брата автора, который служил в одной из частей СС. Если Ремарк ставит своей задачей показать губительное воздействие идеологии нацизма на человека и его постепенное моральное разложение, то Тимм старается разобраться и объяснить для себя поведение брата и его потенциальное участие в массовых убийствах, осуществленных его дивизией. Сам Тимм следующим образом говорит о разнице в интерпретации категории вины на своей родине: «Возможно, одно из существенных различий между Восточной и Западной Германией, то бишь между позднейшими ФРГ и ГДР, как раз в том, что в западной части перед населением со всей неумолимостью был поставлен вопрос коллективной вины. Что с точки зрения демократической процедуры только логично: Гитлера ведь избрали всем народом. В восточной части, напротив, в механистически-упрощенном ракурсе все свели к различию между обманщиками и обманутыми, в том смысле, что капиталисты, эксплуататоры, были обманщиками, а трудящиеся оказались обманутыми. Вина, таким образом, становилась явлением классовым, имеющим обоснование в экономических интересах. Благодаря чему авторитарное мышление и верноподданническое служение государству остались вне критики, больше того, были восприняты и унаследованы социалистическим обществом в качестве своеобразных прусских доблестей» [\[4\]](#).

Таким образом, «Восточный поход» до сих пор становится темой для немецких прозаиков. Амбивалентное взгляд на прошедшую войну существует и в настоящее время. В этом случае, проведенный анализ центрального образа произведений – образа «наци» позволит выявить сходства и типологические схождения двух авторов, которые обращались к теме развенчания мифа о чистом вермахте и невинности простых немцев, механически выполняющих приказ.

Центральный образ будет рассматриваться с помощью понятия о «литературном герое» Л.Я. Гинзбург. Гинзбург считала, что «образ героя в прозаическом тексте имеет свои особенности и его возможно реконструировать только при учете всех элементов на всех уровнях текста. Он реализуется в тексте через следующие элементы – систему мотивов, речь, способы характеристики (ее элементы – имя (другие способы называния), оценки, описания); специфика данных элементов обусловлена точкой зрения (пространственной, временной, психологической), определяющей характер героя. <...> характер является структурой, возникающей из наблюдения людей над процессами внутренними (самонаблюдение) и внешними» [\[1\]](#).

На взаимосвязь образа героя и системы мотивов указывает, по мнению О.М. Фрейденберг: «В сущности, говоря о персонаже, тем самым пришлось говорить и о мотивах, которые в нем получали стабилизацию; вся морфология персонажа представляет собой морфологию сюжетных мотивов» [\[5, с. 221-222\]](#).

Сюжет романа «Время жить и время умирать» разворачивается в трех художественных плоскостях: боевые действия на Восточном фронте (хронотоп фронт, а также топоры и лопаты, соответствующие местонахождению Гребера в этом времени и пространстве) и мирная жизнь в тылу Германии (отпуск Гребера).

Основное внимание в представленной работе будет уделено оппозиции Гребера – задумавшегося о своей роли немецкого солдата – и Штейнбрэннера – убежденного нациста. Находясь в рамках художественного пространства войны, Гребер неоднократно сталкивается с убийствами безвинных мирных жителей, партизан и военных противников. Но именно на фронте герой начинает задумываться о природе ведущейся войны и задаваться вопросом: всегда ли необходимо убивать на войне? И кто настоящий

враг? Осознание своей роли в ведущейся войне построено на противопоставлении внутри системы персонажей: делении на «своих» и «чужих». Подобный прием, избранный Ремарком, приводит к демифологизации и дискредитации мифа об идеологическом единстве в немецкой армии.

Карл-Хайнц, брат писателя и центральный персонаж романа Тимма, погибает на Украине. В самом произведении он представлен двумя ипостасями: в образе сына и брата, характеристики которого представлены в речи и воспоминаниях близких и в образе солдата Вермахта, элитного подразделения СС «Бычья голова». Вторая ипостась дается автором чрез призму уже собственного восприятия дневника брата, который он вел во время службы и который попадает в руки писателя уже после гибели героя.

Следует отметить, что две представленные ипостаси образа Карла-Хайнца практически не коррелируют друг с другом. Говоря о брате, Тимм подчеркивает его миролюбивый характер следующими эпитетами: «тихий», «мечтающий», «храбрый», «боязливый», «стойкий», «честный» и др. Нарратор подчеркивает, что таким сыном родители гордились: «Карл-Хайнц, который был так привязан к отцу и вообще был настоящим мальчишкой... Этим мальчишкой он, отец, гордился» [4]. Или: «Брат – это был мальчик, который не врал, всегда был честен и стоек, не плакал, был смел, но и послушен. Образцовый брат» [4].

Автор особо подчеркивает тот факт, что в семье родители (подобно многим жителям Германии) всю ответственность за убийства мирных жителей на Восточном фронте возлагали на политиков, которые развязали эту войну. Образ же Карла-Хайнца же соотносился в их сознании с образом потерявшегося или заблудившегося юноши, который просто поддавался патриотической риторике и выполнял приказ. Тимм даже приводит пример подобного воздействия на молодое поколение, указывая на источник – роман «В стальных грозах» Э. Юнгера: «Самое поразительно при чтении “В стальных грозах” Эрнста Юнгера и, пожалуй, самое захватывающее – это искренность в самовыражении сознания, для которого смертельная отвага, долг, самопожертвование все еще абсолютные ценности. Не только социальные ориентиры, но именно ценности, которыми – в совместной борьбе – когда-то, трансцендентно, будет преодолён нигилизм. А вот что это мужество, этот долг, это послушание оказались одновременно ценностями, при помощи которых, благодаря которым дольше проработали фабрики смерти, даже если ревнители ценностей об этом не знали – хотя могли бы знать, – вот этого мой отец никогда не мог и не хотел уразуметь. Это был вопрос, которым отцовское поколение даже не задавалось – как если бы в их сознании для его постановки не было соответствующих инструментов – и на который, когда вопрос звучал со стороны, ответа не было, одни отговорки» [4].

Следует отметить, что в случае мотивировки попадания на фронт у авторов наблюдаются расхождения: если у Ремарка Гребер был добровольцем, который попал на Восточный фронт и только там стал задумываться о своих действиях, то Тимм рисует совершенно другую картину. Образ его брата соотносится с «заблудившимся» юношей, который поверил в псевдопатриотические лозунги и попал на фронт по случайности. Но этот мотив оспаривает сам автор, рассказывая о том, что брат мечтал о фронте, об Африке, о службе в войсках генерала Роммеля: «Брат мечтал о сапогах на шнуровке, какие тогда носили пилоты, мотоциклисты, штурмовики. Экономил, карманные деньги откладывал, пока не набрал на сапоги. На одной из фотографий он в форме гитлерюгенда и в этих сапогах, высоких, почти до колен. Шнуровка держалась на крючках. Он в Африку хотел. Но к Роммелю по личной заявке не брали» [4].

Образ «наци» в романе Ремарка реализуется в сцене убийства (расстрела) русских партизан. Основной конфликт писатель раскрывает с помощью противопоставления Гребера Штейнбрэннеру, т.е. идеология самого автора противопоставляется идеологии нацизма. Причем Гребер идет на убийство своего соотечественника сознательно, подчеркивая свой выбор, называя Штейнбрэннера «убийцей»: «Гребер очнулся, подошел к сараю, вытащил ключ из кармана и отпер дверь. – Идите, – сказал он. Русские молча смотрели на него. Они не верили ему. Он отбросил винтовку в сторону. – Идите, идите, – нетерпеливо повторил он и показал, что в руках у него ничего нет. Русский, что помоложе, осторожно сделал несколько шагов. Гребер отвернулся. Он отошел назад, туда, где лежал Штейнбрэннер. – Убийца! – сказал он, сам не зная, кого имеет в виду. Он долго смотрел на Штейнбрэннера. И ничего не чувствовал» [\[3, с. 398\]](#).

В романе Тимма мы не видим подобной оппозиции, так как родители Карла-Хайнца сознательно пытались подчеркнуть различия между войсками, в который служил их сын и элитными частями СС, которые творили «бесчинства» на оккупированных территориях: «*Эта шайка, — так стало принято говорить, — эти преступники. Но мальчик-то был в войсках СС. Это были обычные боевые воинские части. Преступниками были другие, те, что из СД. Так называемые части специального назначения. А первым делом те, что наверху, — руководство. Воспользовались мальчиком, злоупотребили его юношеским идеализмом*» [\[4\]](#).

Нарратор (брат Карла-Хайнца), рассказывая историю брата, несмотря на мнение родителей, время от времени вынужден был подчеркивать его безучастное и даже отстраненное наблюдение смерти, ее констатация. Например, в одной из дневниковых записей он фиксирует: «*Март 21*

Донец

Заняли плацдарм над Донцом. 75 м от меня Иван курит сигареты, отличная мишень, пожива для моего МГ» [\[4\]](#).

Таким образом, возникает вопрос об особенностях образа нациста в двух произведениях, которые разделены полувековым временным рубежом. Кто был настоящим убийцей у Ремарка и был ли брат Тимма убийцей?

Стоит отметить, что для понимания ремарковского понимания необходимо обратиться к сцене с русскими военнопленными. Ремарк показывает жестокое обращение убежденного нациста Штейнбрэннера к пленным, противопоставляя, таким образом, Гребера и Штейнбрэннера, и в тоже время подчеркивая, что даже нацист Штейнбрэннер нуждается в мотиве для убийства. Оказавших в части оппозиции «чужой» для своих же соотечественников, Гребер начинает ассоциировать себя с жертвами – пленными русскими. Эту трансформацию в образе Гребера – солдата Вермахта – Ремарк подчеркивает в сцене расстрела русских партизан: «И вдруг мысли нахлынули на него, обгоняя одна другую. Казалось, с горы сорвался камень. Что-то навсегда решилось в его жизни» [\[3, с. 28\]](#).

Нацист Штейнбрэннер персонифицируется в произведении Ремарка в образе истового нациста Штайнбрэннера – носителя идеологии «убийства», который противопоставляется немцем – жертвам войны, которые выполняли приказ в силу страха за свою жизнь.

Мотив вины / невиновности возникает в конце романа Тимма в контексте открывшихся фактов о пытках и массовых убийствах в концлагерях: «Это не попытка объяснения. И

никакое писание, никакая фраза не спасет, не поможет – в смысле дедукции, упорядочения, понимания, нет, здесь только одно: самозащита перед лицом того, что тебе открылось. Среди фотографий, сделанных Ли Миллер в Дахау сразу после освобождения лагеря американцами, есть одна, запечатлевшая эсэсовца, утопленного заключенными в речушке. Слегка размытые в струях прозрачной воды, можно различить лицо и пятнистую защитную униформу, как будто всплывающие из неведомых, грозных глубин. "The Evil" – так назвала Ли Миллер эту фотографию. А что, если бы брата перевели в концлагерь, охранником?» [\[4\]](#).

Таким образом, оба автора по-своему подошли к интерпретации образа нациста. Ремарк четко указывает на виновных – идеологических врагов, которые поддерживали Вермахт, но начинают задумываться (подобно Греберу) или верить в правоту нацистов до последнего (как Штейнбреннер). В романе, который был написан полвека спустя, Тимм рисует образ заблудившегося юноши, нациста не по убеждению, а скорее увлеченного символикой, риторикой вождей. Писатель особо подчеркивает, что дневник, который он цитирует, скорее содержит фиксированные факты, а не описания убийств.

Библиография

1. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. URL: https://modernlib.net/books/ginzburg_lidiya/o_psihologicheskoy_proze/ (Дата обращения 26.04.2020)
2. Никонова Т.А. Война в литературе 40-х – 60-х годов // Русская литература XX века. Воронеж, 1999. С. 505-515.
3. Ремарк Э.М. Время жить и время умирать. Горький, 1983. 287 с.
4. Тимм У. На примере брата. URL: https://royallib.com/book/timm_uve/na_primere_brata.html (Дата обращения 20.12.2020)
5. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 449 с.
6. Bond B. The Unquiet Western Front: Britain's role in Literature and history. Cambridge: Cambridge UP, 2007. 140 p.
7. Fussel P. The Great War and Modern Memory. Oxford: Oxford UP, 2005. 368 p
8. Hynes S. A War Imagined: The First World War and English Culture. London: Bodley Head, 1990. 514 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Сравнительный анализ образа «немца-нациста» в немецкой литературе о Второй мировой войне», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей немецкоязычной литературы, в которой описываются события второй мировой войны. К писателям данной эпохи относятся, например, В. Борхерт, Г. Бёлль, Э. М. Ремарк.

Центральным сюжетом статьи является анализ романа Э. М. Ремарка «Время жить и время умирать», опубликованный в 1954 году и автобиографический роман Уве Тимма «На примере брата», изданный в 2003 году.

В произведениях рассматриваемой эпохи центральной является проблема отношения к

памяти о прошедшей войне, а также идея о том, что мужчины и женщины просто оказались жертвами пропаганды, казалась очень притягательной и стала поддерживаться среди широких слоев населения.

Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение и описание.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников.

Практическим материалом исследования явились тексты немецкоязычных авторов, однако не указывается работал ли автор с текстом на немецком языке или русскоязычным переводом книг? Если это был перевод, то кто переводчик? В тексте автор не приводит цитат на языке оригинала из рассматриваемых романов, подтверждающие теоретический материал.

Библиография статьи насчитывает 8 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках. Недостатком является отсутствие теоретических работ немецких литературоведов, что не позволяет обратиться к иным трактовкам рассматриваемого феномена. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Сравнительный анализ образа «немца-нациста» в немецкой литературе о Второй мировой войне» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.